

Глава 826: О чем я скучаю

Молитвенный коврик не был новым или старым, толстым или тонким. Он был в стиле, который обычно можно встретить в церквях и залах предков.

Второй Хозяин Танг молча рассматривал этот молитвенный коврик.

Молитвенный коврик между коленками и твердым полом делал процесс поклонения более удобным.

Но кому он должен был поклониться?

Конечно же, Попу.

Бесчисленные лампы подобно звездам зависли в ночном небе, а среди них стоял молодой человек.

Второй Хозяин Танг не говорил, и не слышал, чтобы кто-то еще говорил.

Тишина в зале продолжалась.

Второй Хозяин Танг медленно прищурил глаза.

Он наконец-то начал двигаться. Он подошел к молитвенному коврику, поднял руками передний отворот, и медленно поклонился.

Его движения были очень медленными и тщательными. От поднятия переднего отворота до сгиба коленей и наклона тела вперед требовалось очень долгое время.

Этого периода времени было достаточно, чтобы подумать о многих вещах.

Я слышал, что много лет назад предыдущий Поп тоже был в Вэньшуге, но когда отец должен был совершать такой большой поклон?

Ты из того же поколения, что и Танг Танг, так что я - твой старейшина, так как ты можешь принять такой поклон от меня?

Даже если ты не назовешь меня 'Вторым Дядей', ты по крайней мере должен сказать, что поклон не требуется.

Это был действительно долгий период времени, и для Второго Хозяина Танга его почти можно было описать бесконечным.

Так как этот период времени был достаточно долгим, у этого молодого человека в тених было достаточно времени заговорить.

Но почему я ничего не услышал от тебя?

Он даже подумал: возможно, я пропустил слово?

Возможно, его голос был очень мягким, или он говорил неясно?

Нет, церковь была настолько тихой, что можно было услышать самый мягкий голос.

Например, прямо сейчас его колени наконец-то коснулись молитвенного коврика, и мягкая ткань легонько сморщилась.

Но для его ушей это был сотрясающий сердце гром.

.....

.....

Второй Хозяин Танг в такой манере склонился перед Чэнь Чаншэном.

Прямо до того момента, как это действительно случилось, он все еще не смел верить.

Он не смел верить, что Чэнь Чаншэн действительно не скажет ему, что этот поклон не требовался.

Он не смел верить, что Чэнь Чаншэн так спокойно примет его поклон.

Шум касания его коленок молитвенного коврика растворился в воздухе. Весь звук в зале исчез, оставляя тишину, которую тревожили только лампы, покачивающиеся на ветру.

Второй Хозяин Танг поклонился на молитвенном коврике, его сердце становилась холоднее и холоднее, а его выражение лица - все более и более безразличным.

А затем он встал.

Он поклонился, как медленно рушащаяся гора, но когда он поднимался, это было подобно восходу утреннего солнца из воды: прямо и без малейших колебаний.

Он встал сам, без команды.

Было очевидно, что это было проявление неуважения перед Святым, но он сейчас сильно злился, так что был намерен отмахнуться.

Он посмотрел на Чэнь Чаншэна и безразлично сказал: «Я увидел Его Святейшество Попа».

Он только видел Попа, но не отдавал дань уважения.

Даосская церковь оставалась тихой. Бесчисленные лампы покачивались на ветру, шелестя, как море сосен в горах.

Чэнь Чаншэн тихо смотрел на Второго Хозяина Танга, смотрел в течение очень долгого времени.

Это был первый раз, когда он видел Второго Хозяина Танга.

Будь это во время переворота Мавзолея Книг или при убийстве Чжоу Туна на снежной улице, он и известный Второй Хозяин Танг никогда не встречались.

Второй Хозяин Танг был очень похож на Танга Тридцать Шесть. У обоих были привлекательные лица, холодный характер, благородные ауры, но лицо Второго Хозяина Танга было окрашено мраком.

«Увидев вас, я легко вспомнил его. Прошло очень долгое время с тех пор, как я видел его в

последний раз, - подметил Чэнь Чаншэн, - чем больше времени проходит, тем больше я скучаю о времени, когда он был на моей стороне. Он тогда многое сделал для меня».

Второй Хозяин Танг спросил: «Например?»

Чэнь Чаншэн сделал шаг вперед, выходя из колеблющегося света к Второму Хозяину Тангу.

«Например... Прямо сейчас он сказал бы вам 'я разрешал тебе вставать? Тогда почему ты встал?'»

.....

.....

Как один из невероятно малого числа людей, которые смогли стать Попом, не ступив в Божественный Домен, Чэнь Чаншэн обладал ограниченной силой, насколько бы талантливым он ни был.

Второй Хозяин Танг очень хорошо осознавал это, но когда он увидел, как этот молодой человек выходит из теней и моря звезд, увидел его умиротворенное лицо и услышал эти слова, он почувствовал неопишное давление. Как будто горная гряда или обширное море звезд опускались в Вэньшуй, поднимая бесчисленные волны в его разуме!

Только в это мгновение он наконец-то осознал тот факт, что несмотря на его силу Чэнь Чаншэн был Попом, а он, Второй Хозяин Танг, стоял перед Попом.

Это осознание было крайне неприятным, как и то, как Чэнь Чаншэн использовал тон голоса Танга Тридцать Шесть, чтобы сказать те слова ему.

‘Позволил я тебе встать?’

Если бы Танг Тридцать Шесть присутствовал сегодня в этом месте, он определенно сказал бы что-то такое, не давая и малейшего лица. Он даже мог быть строже.

Второй Хозяин Танг еще раз прищурил глаза.

Он, естественно, не будет кланяться снова. Он улыбнулся презрительной улыбкой, ничего не говоря.

Не было никаких ‘если’. Танг Тридцать Шесть был пленен в зале предков; он не сможет появиться на твоей стороне.

«Я попросил кого-то подготовить этот молитвенный коврик».

Чэнь Чаншэн взглянул на молитвенный коврик, а потом поднял голову, глядя на Второго Хозяина Танга. Он продолжил: «Потому что я надеюсь, что вы тоже подготовили ему мягкий молитвенный коврик. После того, как его держали в старом поместье два с половиной года, а потом пленили в зале предков полгода, учитывая его характер, его вынудили в течение очень долгого времени стоять на коленях в наказание. Без молитвенного коврика будет трудно выдержать подобное».

Второй Хозяин Танг невыразительно ответил: «Он - потомок моего клана Танг. Естественно, в клане есть старейшины, которые заботятся о нем. Вашему Святейшеству не стоит волноваться».

Чэнь Чаншэн ответил: «Он - мой друг. Для меня невозможно не волноваться».

Услышав это, Второй Хозяин Танг поднял брови: «Его Святейшество только волнуется об этих незначительных вопросах?»

Чэнь Чаншэн ответил: «Для меня это довольно большая забота».

Второй Хозяин Танг строго упрекнул его: «Может ли это быть важнее, чем будущее Дворца Ли?»

Чэнь Чаншэн ответил: «Я думаю, что, возможно, Старый Глава Танг и вы не так все поняли. Мой приход в Город Вэньшуй никак не связан со Дворцом Ли. Я пришел только за ним».

Второй Хозяин Танг насмешливо спросил: «Вот как? Может быть, Ваше Святейшество только хочет забрать его, и у него нет других требований к моему клану Танг?»

Чэнь Чаншэн ответил: «Именно».

«Ваше Святейшество думает, что это очень смешно? Или почему вы так пошутили?»

Второй Хозяин Танг находил эту идею абсурдной. Ты думаешь, что сказав это, сможешь убедить мир, что у Ортодоксии нет намерений против клана Танг?

Чем больше он думал, тем более нелепыми он находил слова Чэнь Чаншэна, что вызвало его смех.

При описании смеха человек добавит 'ха-ха' или скажет, что он разразился смехом, потому что смех сопровождался шумом.

Но все знали, что у смеха Второго Хозяина Танга не было звука, будь это маленький смешок или смех.

Он просто открывал рот, выглядя, как один из мимов Города Сюэлао, пересказывающий какую-то фантастическую историю, молча и от всего сердца ухмыляясь над другими и этим миром.

Это был первый раз, когда Чэнь Чаншэн увидел известное беззвучное смеющееся лицо Второго Хозяина Танга.

Он не находил его комичным или пугающим. Этот смех был просто уродливым, и казался очень болезненным, как жирный гусь, который ждал, что его накормят, но в итоге его задушили железной проволокой.

«Я еще больше заскучал по моему другу. Если бы он был здесь, он бы мог сказать... 'Ты нем? Иначе почему тебе так больно смеяться?'»

Чэнь Чаншэн говорил это без малейшего укора, только с некоторой тоской.